

В руках Се Ю держал букет роз, сложенных из бумаги.

— Живые цветы увядают, а я не хотел, чтобы они завяли, поэтому сделал букет из бумаги. Вышло не слишком аккуратно, — пояснил он.

Юй Нянь тихо выдохнул, в очередной раз поражаясь тому, как поступки Се Ю западают ему прямо в сердце.

— Ты сам их сложил?

Се Ю с некоторой робостью ответил:

— Угу.

Разглядывая узор на бумаге, Юй Нянь что-то вспомнил и удивленно спросил:

— Эта бумага... Бумага с водяными знаками смутной ряби?

Се Ю спешно кивнул:

— Да! В прошлом году я увидел её на аукционе и купил всего пять листов. Как раз хватило на букет!

Юй Нянь принял букет и внимательно рассмотрел его. Он легко представил, как Се Ю, склонив голову, усердно складывал бумагу, и с улыбкой произнес:

— Насколько я помню, эта бумага очень особенная по текстуре. Складывать из нее цветы, должно быть, было нелегко?

Се Ю помедлил с ответом и сказал:

— Нормально... Не так уж и сложно.

Последовав за Юй Нянем на кухню, Се Ю сам взялся доставать пиалы и палочки, но ненадолго замешкался и встал у него за спиной.

— Няньнянь.

Юй Нянь как раз приподнял крышку кастрюли, чтобы проверить готовность бульона. Услышав свое имя, он отозвался:

— М-м?

Се Ю с колебанием произнес:

— Я... впервые кого-то люблю. И очень боюсь сделать что-то не так, чтобы ты не подумал: «И это всё?»

Поняв, из-за чего переживает Се Ю, Юй Нянь зачерпнул полполовника супа, подул, остужая, и поднес к его губам. Дождавшись, пока тот отпьет, он качнул головой:

— Вовсе нет. Я ни разу так не думал. Наоборот, как только увидел тебя, вся усталость за день за мгновение улетучилась.

С этими словами Юй Нянь придвинулся ближе и коснулся губами уголка рта Се Ю:

— Теперь тебе хоть немного веселее?

Се Ю, не мигая, смотрел на Юй Няня, а затем прикоснулся пальцем к центру своих губ:

— Няньнянь, вот здесь тоже нужно утешить. Можно?

Юй Нянь ничего не ответил, а лишь снова подался вперед и поцеловал его прямо в губы. Закончив поцелуй, он сам почувствовал, как запылали уши.

— Где-то еще нужно утешить?

Се Ю хотел было кивнуть, но решил, что стоит знать меру и не торопить события, поэтому со вздохом сокрушения качнул головой:

— Пока нет.

Налив суп из грибов и свиных ребрышек, Юй Нянь почувствовал, что чего-то не хватает, и спросил у Се Ю:

— Ты не против зеленого лука?

— Не против.

Юй Нянь вышел на балкон и срезал несколько стеблей лука. Се Ю сам забрал его, вымыл, не слишком умело нарезал кухонным ножом и посыпал суп, после чего с надеждой уставился на Юй Няня.

Юй Нянь улыбнулся:

— Отлично нарезано!

Се Ю мгновенно расплылся в довольной улыбке.

Пожинав, они обошлись без игры в «камень-ножницы-бумага». Се Ю поднялся, невероятно ловко собрал посуду и унес на кухню. Войдя внутрь, он высунулся наполовину и настойчиво предупредил Юй Няня:

— Я сам помою, не отбирай!

Юй Нянь рассмеялся и указал на латунные садовые ножницы:

— Ладно, не буду отбирать. Пойду пока подрежу комнатные растения.

Раздался звонкий щелчок, и лишняя веточка упала. Держа в руках ножницы, Юй Нянь невольно повернул голову к кухне. Он уже очень давно не чувствовал, что дома он не один.

Даже воздух в комнате, казалось, стал теплее.

Закончив мыть посуду, Се Ю вышел из кухни. Взгляд Юй Няня замер:

— Почему одежда мокрая? Тебе не холодно? — спросил Юй Нянь, поднимаясь и не замечая, как бегают глаза Се Ю. — Хочешь, дам тебе свою футболку переодеться?

Отношение оказалось даже лучше, чем Се Ю смел надеяться. Он кивнул:

— Да!

Юй Нянь достал из шкафа футболку на размер больше и протянул Се Ю:

— Ты будешь переодеваться в...

Слова «в какой комнате» еще не успели слететь с его губ, как стоящий напротив Се Ю, будто приняв некое судьбоносное решение, схватился обеими руками за край своей рубашки и сдернул её через голову. Буквально за мгновение он обнажил торс.

Кожа у Се Ю была здорового пшеничного оттенка, мышцы на груди и прессе — подтянутыми и рельефными. А глубокие, притягивающие взгляд черты лица и отчетливый кадык придавали ему особую сексуальность. Ему достаточно было просто стоять рядом, чтобы полностью завладеть вниманием Юй Няня.

Юй Нянь раньше никогда ни в кого не влюблялся, но встреча с Се Ю оказалась похожа на действие яда или глубокую зависимость: стоит один раз увязнуть, и выбраться уже невозможно.

Заметив, что взгляд Юй Няня прилип к его телу, Се Ю облегченно выдохнул — первый камень с души упал.

И он произнес давно заготовленную реплику:

— Няньнянь, тебе нравится то, что ты видишь?

Се Ю четко помнил запись из своей заметки: «Следует периодически демонстрировать партнеру свою фигуру, чтобы повысить привлекательность в его глазах».

Услышав этот вопрос, Юй Нянь едва сдержал смех и с серьезным видом ответил:

— Очень нравится!

Пользуясь тем, что Се Ю не ждал подвоха, он протянул руку и быстро прикоснулся к кубикам его пресса.

Се Ю замер как вкопанный, словно его заколдовали. Кончики его ушей на глазах стали ярко-красными, и он тихо запротестовал:

— Няньнянь, смотреть можно, трогать нельзя.

Юй Нянь намеренно опустил ресницы и огорченно проговорил:

— И мне тоже нельзя?

Пару секунд спустя Се Ю отвел взгляд и поспешно выпалил:

— Тебе... конечно можно!

Надев футболку, которую нашел Юй Нянь, Се Ю, опасаясь, что тот расстроился, в замешательстве спросил:

— Тогда... тогда не хочешь потрогать еще разок?

А затем быстро добавил:

— Два... нет, три раза тоже можно!

Видя, как Се Ю волнуется, Юй Нянь не стал над ним смеяться. Сидя на диване, он запустил руку под подол футболки и действительно неторопливо трижды провел пальцами по прессу, после чего оценил:

— Очень приятный на ощупь!

В глазах Се Ю мелькнула радость, но он смущенно произнес:

— Няньнянь, ты можешь нажимать сильнее. Слишком легко... мне щекотно.

Сердце Юй Няня дрогнуло. Он вдруг задрал край футболки и, наклонившись, поцеловал его в пресс с отчетливым звуком, слышным им обоим.

— Щекотно?

Се Ю на некоторое время затаил дыхание и только потом жадно втянул воздух:

— Няньнянь...

Поняв, что зашел слишком далеко и излишне взбудоражил Се Ю, Юй Нянь поспешно поднялся и перевел тему:

— Ты же говорил, что у тебя сегодня вечером международное видеосовещание? Уже поздно, не пора ли тебе возвращаться?

Се Ю все еще не мог прийти в себя:

— Няньнянь, ты только что...

— Я только что?

— Ничего. — Се Ю взглянул на губы Юй Няня, а затем быстро отвел глаза. — Тогда я пойду. Ты ведь завтра летишь в Париж?

— Да, там пройдет показ весенне-летней коллекции «Херси», мне нужно присутствовать. Я быстро вернусь. — Юй Нянь подсчитал: — Самолет завтра в три часа дня, лететь двенадцать часов, так что прибуду туда местным вечером. Отдохну, на следующий день схожу на показ, а сразу после него улечу обратно в Китай.

Провожая Се Ю до дверей, Юй Нянь почувствовал, что не хочет его отпускать, и потянул за рукав:

— Мы же не увидимся целых несколько дней.

Се Ю кивнул. Немного помешкав, он достал из кармана фотографию и протянул её Юй Няню лицевой стороной вниз:

— Держи. Можешь взять с собой в Париж.

С этими словами он открыл дверь, вышел и закрыл её за собой — и в мгновение ока исчез.

На следующий день, встретившись со своей командой, Ши Роу указала на большую сумку рядом с собой:

— Няньнянь, я взяла и подушку для шеи, и тканевые маски, так что если что-то понадобится — только скажи. Брат Мэн сейчас на совещании, передавал, что встретимся в аэропорту.

Юй Нянь снял белую бейсболку:

— Хорошо, если понадобится, скажу.

Микроавтобус тронулся. Увидев, что Юй Нянь достал бумажник и открыл его, Ши Роу любопытствовала:

— Няньнянь, ты ведь обычно не пользуешься бумажником?

— Теперь буду.

Потому что кое-кто подарил ему свою фотографию и хотел, чтобы тот вложил её в бумажник и всегда носил с собой.

Ши Роу не стала расспрашивать дальше и продолжала:

— Кстати, ходят слухи, что этот противный Тан Сяокэ тоже собирается на показ «Херси». В каждую бочку затычка!

— Он тоже едет? — Юй Нянь помнил, что был единственным мужчиной-артистом, приглашенным брендом напрямую, поэтому спросил: — А приглашение у Тан Сяокэ какого типа?

— А то ты не знаешь какого! Конечно же, то, которое дают за космические суммы в бутиках! Он реально денег не жалеет. Я тут поспрашивала: он в семье единственный сын, бабушка в нем души не чает, пылинки с него выдувает. В семнадцать лет Тан Сяокэ на спортивной машине сбил человека, так семья замяла дело деньгами. Причем бабушка тогда ни капли не волновалась за пострадавшего в реанимации, а обнимала этого Тан Сяокэ и плакала, твердя, что её любимый внучек наверняка страшно перепугался! Чёрт возьми, у меня просто картина мира рухнула!

Юй Нянь нахмурился:

— И что потом?

<http://bllate.org/book/18301/1757034>